НОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ПРАВА ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

Аннотация. Рассматриваются новые аспекты привлекательности французского права для международной торговли с точки зрения его влияния на экономическую и политическую сферы, в частности вопросы, возникающие в связи с острой конкуренцией на рынке. Также представлены случаи, когда французское право в международной торговле имеет определенное влияние в наше время.

Ключевые слова: право, международная торговля, конкуренция, правовые системы, тенденции.

Ален ДЮФЛО,
основатель адвокатского
бюро «Дюфло и партнеры»,
преподаватель
Университета Лион III
имени Жана Мулена
lab.kkonkpr@msal.ru
69008, Франция, Лион,
Cours Albert Thomas, 6

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.66.2.081-094

A. DUFLLOT,

*an expert practitioner in the field of law, founder of the law firm «Duflot & Partners»,
Lecturer at the Jean Moulin Lyon 3 University, Lyon, France
lab.kkonkpr@msal.ru
69008, France, Lyon, Cours Albert Thomas, 6*

THE NEW ATTRACTION OF FRENCH LAW FOR INTERNATIONAL TRADE

Abstract. *The article considers new aspects of attraction of french law for international trade in terms of its impact on economic and political spheres, in particular, the issues arising from intense competition in the market. There are also cases where French law in international trade has some influence in our time.*

Keywords: *law, international trade, legal systems, contention, tendency.*

Введение

Французское законодательство с давних времен выходило за пределы страны. Так, Гражданский кодекс Наполеона оставил в Европе и в мире свой след, который ощущается до сих пор. Он послужил образцом для многих иностранных законодателей, способствовал созданию международного правопорядка поколениями преподавателей и студентов всего мира, формируя особый метод рассуждений и правовую культуру во французских традициях.

Однако сейчас этот статус французского права как «модели» оспаривается. Существует некоторое противостояние между романо-германской системой, к которой относятся Франция и Германия, и системой общего права, основны-

© А. Дюфло, 2020

ми представителями которой являются Англия и США, и, если говорить в более широких масштабах о глобализации права, континентальная правовая система постепенно утрачивает доминирующее положение, которое во многих аспектах обеспечивало внимание к французскому праву в предыдущие столетия.

Это правда, что закон стал инструментом серьезного влияния в глубоко переконфигурированном международном контексте. Изменение геостратегического и экономического баланса с появлением новых обстоятельств и новых участников международных отношений (транснациональных компаний, неправительственных организаций, необратимости процесса интернационализации под влиянием европейской интеграции и глобализации) является предсказуемым.

В этой среде, где интересы то пересекаются, то расходятся, существует не только экономическая и коммерческая конкуренция, противоборство идет также между моделями устройства общества, правовыми системами и, следовательно, принципами и ценностями.

Вот уже 20 лет под влиянием крупнейших организаций, в частности Всемирного банка, мы наблюдаем настоящую «войну правовых миров», в значительной степени искусственную, поскольку она ограничивается оценкой правовой системы исключительно с позиции экономической эффективности, хотя реальность показывает нам, что правовые системы строятся путем гибридизации и инкорпорации (см. далее разд. А).

Проблемы этой конкуренции в направлении все большей привлекательности носят как экономический, так и политический характер, поскольку они имеют тенденцию навязываться, включая систему мышления и принятия решений (разд. В).

Французское право в международной торговле сохраняет определенное влияние, в частности благодаря своим качествам, которые законодатель заинтересован сохранить и преумножить, будучи поставленным в условия все более острой конкуренции (разд. С).

Примеры этой привлекательности остаются многочисленными, значительными и обнадеживающими, особенно в области арбитража, международного договорного права, и эта привлекательность также экспортируется (разд. D).

А. Подходы к использованию привлекательности

Хотя концепция привлекательности была разработана только около 30 лет назад, французское право исторически извлекало выгоду из такого явления.

Французское право, несомненно, представляло с конца XVIII в. образец, которым вдохновлялись многие государства мира. С этого времени на основе прочной правовой традиции оно представляло собой целостную, современную и понятную правовую систему, качества которой легко воспроизводимы. Исторически сложилось так, что французская военная и дипломатическая мощь в сочетании со статусом французского языка как дипломатического культурного языка создавали благоприятные условия для распространения французского законодательства.

Эти факторы больше не имеют сегодня такого влияния, как прежде, и возрастает ощущение меньшего влияния французского права в противостоянии романо-германской правовой системы системе общего права. Тем не менее

мы должны быть осторожны с выводами, потому что международное влияние правовой системы не поддается научной оценке, и именно сегодня государства соревнуются как на Олимпийских играх за право оказаться на лучших местах в международном рейтинге.

Французские юристы единодушно, хотя и не отрицая уменьшение влияния французского законодательства, но все же очень критически относятся к этим оценкам, которые должны отражать привлекательность правовой системы и, следовательно, ее адекватность миру международной торговли. Среди этих оценок я хочу упомянуть самую известную, а именно ту, что исходит от Всемирного банка, который регулярно составляет свой рейтинг законодательства наиболее привлекательных стран в своих отчетах «Ведение бизнеса». Это пример того, насколько чрезмерными, частичными и даже опасными могут быть такие обозначения.

Такая классификация привлекательности закона действительно опасна, потому что она приводит к форме напряженности в отношениях между правопорядками и, как я указал во введении, приводит к настоящей «войне правовых миров» — общего права и континентального права.

Для Франции первостепенно то, что в докладах «Ведение бизнеса», публикуемых с 2004 г., открыто ставится под сомнение экономическая эффективность гражданских прав в целом, и в частности прав, вдохновленных Францией. Эти оценки являются лишь логическим следствием изменения отношений между правопорядками путем переноса на них экономической модели конкуренции и рынка. При таком подходе правовые системы конкурируют друг с другом за выработку правил, наиболее вероятно привлекающих экономических операторов, а модель, испытывавшая влияние этими рейтингами привлекательности, основана на отношениях соперничества между различными правовыми системами.

Наиболее заметное последствие такого использования концепции привлекательности проявляется в том, что это стало навязчивой идеей для государственных органов Франции, что выразилось в их решении сделать защиту экономической привлекательности французского права одним из приоритетов. Это побудило французские государственные органы преумножить действия, якобы предназначенные для сохранения или восстановления привлекательности, к ним относятся, в частности, создание Стратегического совета «привлекательности», главой которого является премьер-министр, увеличение количества публичных отчетов об оценке французского права в его привлекательности и реформирование больших отраслей французского законодательства.

Это желание выиграть гонку за экономическую привлекательность имеет не только достоинства, поскольку, как показывает опыт, она может привести к определенным перегибам.

В дополнение к риску инструментализации права экономикой этот поиск привлекательности часто побуждает французские власти к осуществлению проектов, которые я буду описывать как неестественные, заключающиеся, в частности, в постепенном стирании всех особенностей французского права под предлогом сохранения своего международного влияния. Это иногда сопровождалось введением во французское законодательство совершенно чуждых, но признанных привлекательными механизмов, таких как траст, введенных во Франции путем воскрешения фидуции или распределения активов.

В других случаях мы надеялись защитить привлекательность французского законодательства, отказавшись от типично французских институтов, считавшихся непригодными для иностранцев. Недавний пример — реформа договорного права в виде исчезновения причины как составной части контракта и упрощения юридического словаря, применимого к контрактам.

Подобная оценка привлекательности конкретной правовой системы, такой как французское право, упускает из виду следующие два аспекта реальности, которые являются предметом рассмотрения сравнительного права. Прежде всего без какой-либо предвзятости мы считаем, что правовая система не должна быть привлекательной, если этот термин явно подразумевает определенное подчинение политического суверенитета конкретным интересам, национальным или иностранным. С другой стороны, правовая система должна быть совместима с требованиями современной рыночной экономики, т.е. обеспечивать безопасность транзакций, предсказуемость ограничений, справедливый баланс между законом и договором, простоту понимания и технологичность.

Таким образом, вместо прямой конкуренции между системой общего права и системой континентального права в действительности возникает феномен подчинимости права внешним решениям. Международная конкуренция порождает разработку договорного международного экономического права, в контексте которого возникают определенные международные стандарты или элементы «мягкого» права. Обращение экономических субъектов к договорам, практически отделимым от какого-либо внутреннего права, уже давно свидетельствует о существовании международного торгового права, создаваемого этими же субъектами.

Следует признать, что международная коммерческая и финансовая деятельность в части создания правовых норм зачастую предвосхищает позитивное право, которое создается государством.

Таким образом, операторы международной торговли имеют тенденцию становиться законодателями самим себе и в значительной степени избегать национального и международного регулирования своих действий до такой степени, что право международной торговли может быть выделено в полноценное международное корпоративное право. Это право квазиестественным образом вдохновлено англосаксонской системой, потому что она лучше подходит для децентрализованного рынка, и в частности тем, что заключенные таким образом контракты часто имеют тот же источник, что и общее право.

«Стандартные» контракты, общие условия, основные положения имеют в качестве автора основных игроков в международной торговле, которые создали модели, фактически ограничивающие свободу договоров. Таким образом, конкуренция между этими двумя правовыми системами является лишь следствием практики международной торговли, а не причиной «привлекательности» тех или иных правовых систем.

Кроме того, рассуждение о привлекательности одного права за счет другого права приводит к неправильному пониманию реальности, которую позволяет понять в большей степени именно сравнительное право и которая проявляется в явлениях гибридизации права или легального скрещивания.

В зависимости от политических, культурных, социальных, географических аспектов правовые системы усложняются в результате заимствований, и это про-

исходит в результате сосуществования правовых систем, их влияние никогда не бывает односторонним, а осуществляется взаимно до определенной степени, поскольку каждая из правовых систем использует и объединяет элементы другой.

В. Вопросы привлекательности права

Привлекательность национального права, рассматриваемая как юридическая и экономическая цель, может показаться совершенно бессмысленной.

Действительно, международные торговые операторы имеют специальные инструменты для своего контракта (в частности, материальное право), вытекающие из международных конвенций, специально созданных для регулирования такого типа отношений, например из Венской конвенции о международной купле-продаже товаров, принципов УНИДРУА и международных коммерческих контрактов, Парижской конвенции об охране промышленной собственности. И это лишь некоторые примеры.

Такое материальное право привлекательно тем, что уже непосредственно применимо к отношениям. Однако национальное законодательство сохраняет определенную важность по нескольким причинам. Во-первых, субъекты международной торговли знакомы с его содержанием и ссылаются на него по привычке или из-за удобства. В то же время международное право может быть плохо применено национальным судьей, привлеченным для урегулирования возникших споров. Действительно, последний не знаком с оригинальными концепциями и категориями из практики международной торговли.

Наконец, основные нормы, вытекающие из международных конвенций, не охватывают все юридические вопросы, которые могут возникнуть, и национальное законодательство остается вспомогательным по важным вопросам.

Также вместо того чтобы нарушать закон, применимый к договору, решив частично подчинить его материальному праву международного происхождения и частично национальному закону в остаточной части, операторы международной торговли часто решают подчинить его конкретному национальному закону.

Следует помнить, что стороны международного договора имеют практически неограниченную свободу выбора национального законодательства, которое они хотят применить к своим отношениям. Французское законодательство будет иметь шанс быть выбранным субъектами международной торговли, если оно окажется лучше, чем иностранное законодательство, с которым его обязательно будут сравнивать.

Таким образом, цель привлекательности состоит в том, чтобы благодаря адекватному праву международной торговли убедить иностранные компании выбирать французское законодательство, а французские компании — сохранять его в качестве регулятора.

Помимо этой привлекательности, которой всегда пользовалось французское право на протяжении более чем двух веков, речь также идет о влиянии Франции и французской правовой мысли.

Следовательно, задача не состоит, строго говоря, в том, чтобы сделать или сохранить французское законодательство более привлекательным для между-

народной торговли, потому что цели выходят за рамки французских границ, поскольку привлекательность сегодня воспринимается как форма противостояния стран гражданского права, имеющих по традиции римско-германскую правовую систему, и стран общего права. Поддержание привлекательности национального права для международной торговли имеет последствия, в том числе философские и, очевидно, экономические.

В странах общего права справедливость прежде всего направлена на разрешение спора с принятием решения, наиболее подходящего для специфики ситуации. Нет необходимости подвергать сомнению общую согласованность, соответствие или рациональность предложенных решений: главное — решать трудности одну за другой. В континентальной концепции, с другой стороны, и особенно во французском праве, абстрактные правила и их реализация занимают центральное место. В результате получается совершенно другой способ решения проблем.

Континентальный юрист будет сравнивать каждую ситуацию, с которой он сталкивается, с общим юридическим решением, в то время как юрист общего права сосредоточится на особенностях каждой из ситуаций. Кроме того, и в более общем плане трудно не признать, что именно господству либеральной экономической модели общее право во многом обязано своему успеху. Очевидно, что более простое и гибкое общее право часто представляется как наиболее эффективное решение, а англосаксонское право более прагматично в предоставлении оперативных решений, которые требуются для глобализации.

Таким образом, в вопросах договора континентальное право и французское право в частности, очень тесно связаны с юридическим и экономическим равенством договаривающихся сторон, подразумевающим определенный формализм в обмене согласием и в самом содержании договорных обязательств, и это подразумевает при необходимости контроль со стороны судьи и санкции, когда одна из сторон злоупотребляет своим доминирующим положением при заключении договора. В общем праве нет этого требования о равенстве и защите слабой стороны, и только законы рынка и саморегулирование бизнеса могут принести некоторое подобие контроля.

Помимо каких-либо споров о достоинствах или недостатках той или иной правовой системы, однако, не следует забывать, что Франция и также Европейский Союз недостаточно интегрированы, так как известен стратегический характер верховенства права в условиях глобализации. Закон является для государств оружием, служащим их геополитическим, экономическим, финансовым и культурным интересам.

Во Франции были некоторые примеры гегемонии англосаксонского закона, в частности в конфликте между банком BNP Paribas, американским судебным органом и компанией Alstom (когда последние были оштрафованы на 9 млрд долларов и 600 млн долларов). Также вспомним конфликт, который был передан в Верховный суд США и решен в пользу двух американских инвестиционных фондов, потребовавших от Аргентины возмещения долговых ценных бумаг.

Еще ближе — противоречия в рамках переговоров по трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (TAFTA) в части положений, касающихся урегулирования споров между государствами и бизнесом. Навязывая свои

правовые принципы, государства общего права, в особенности Соединенные Штаты Америки, могут воспользоваться экономическим, валютным и финансовым балансом сил, который остается во многом в их пользу.

Таким образом, сегодня международное влияние французского права или германского права является скорее вопросом вчерашнего дня, с одной стороны, по причине выбранного способа понимания и оценки ответов на возникающие правовые вопросы в других государствах или на международном уровне, с другой стороны, надо учитывать волю, способность этих двух стран отстаивать решения за рубежом. Эти факторы не являются правовыми. Другими словами, распространение стандартов и их принятие за рубежом в первую очередь являются отражением силы, а не вектором мирного развития: Гражданский кодекс не предшествовал армиям Наполеона, а был результатом их вторжения.

Поэтому необходимо учитывать роль «правовых моделей» в построении законодательства, института или правового режима и, следовательно, оставаться в курсе потенциальных результатов стратегии правового влияния.

Интернационализация права изменила политическую и культурную проблему его принятия в других странах и, следовательно, его привлекательности. Как и раньше, путем переговоров по двусторонним и многосторонним международным конвенциям, участия в структурах и деятельности международных организаций государства утверждают свое влияние так же, как и через свое законодательство.

Однако в большей мере, чем раньше, речь идет о том, чтобы продвигать французское законодательство как средство лучшего понимания иностранных прав с целью их обогащения. Профессор Льюн-Кайен говорил о привлекательности «отражений наших сильных и слабых сторон».

В настоящее время речь идет также о защите определенного культурного разнообразия путем недопущения заимствования во французском и немецком законодательстве, понятий или концепций, которые им чужды, или, наоборот, путем содействия распространению собственных правовых концепций в других национальных законах путем их принятия на международном уровне.

В более глобальном плане задача состоит в том, чтобы участвовать в создании нового глобального правопорядка, в рамках которого могут существовать национальные права, транснациональные права и международное право.

Таким образом, наличие законодательства, административных и юрисдикционных институтов, соответствующих международному стандарту, является преимуществом в конкуренции между государствами за привлечение инвестиций на их территории.

С. Причины привлекательности французского права

Французское право оказывало свое влияние на протяжении почти двух столетий, но сегодня оно страдает от недостатка гибкости и изобретательности, что не позволяет адаптироваться к международной торговле. Тем не менее остается верным, что французское право по-прежнему является одним из наиболее широко используемых национальных законов, будь то право, применимое к международным договорам, например *Lex Mercatoria*, или право, выбранное

в контексте международного арбитража, в частности в Парижском международном арбитражном суде.

Критика французского права, очевидно, должна быть принята во внимание, тем не менее не затеняя присущих французскому праву качеств, которые являются структурными активами, чтобы поддерживать и увеличивать привлекательность его международной торговли.

Французское право действительно обладает качествами, которые в точности отвечают требованиям международной торговли, это его доступность, безопасность и гибкость. Также интересно отметить, что эти критерии не учитываются в международных оценках (Doing Business), позволяющих классифицировать законодательство.

Доступность закона — это качество, разделяемое всеми национальными правовыми системами, вытекающими из римско-германской системы или системы континентального права, поскольку эта доступность проявляется, с одной стороны, в кодификации текстов, а с другой — в понятности правила. Очевидно, что право, содержащееся в тексте закона или в кодексе, является явно более легкодоступным, чем то, которое должно быть извлечено из решений судов или неписаных положений, подпадающих под определение обычая.

Общее право вряд ли доступно для непрофессионала, и юристы в странах общего права прекрасно понимают это, поскольку сами используют технику кодификации для разъяснения закона.

В Соединенных Штатах, как и в Великобритании, сталкиваясь с распространением текстов, юристы прибегали к официальным или частным сборникам, иногда называемым Кодексами или даже «обзорами законов». Профессор Малори с юмором сказал: «Чем более будет кодифицировано право, тем меньше будет вольного толкования: это право в плену, наконец, будет обнаружено и его будет легче понять сторонам».

Доступность также проявляется в понятности закона. В соответствии с пожеланиями своих создателей Французский гражданский кодекс ясен, понятен наибольшему количеству людей, поскольку он использует простой «человеческий» язык. Трудность заключается в современной законодательной инфляции, которая способствовала затемнению целых разделов закона, в частности текстов Французского гражданского кодекса, так что государственные органы вот уже более 20 лет ратуют за сохранение понятности, придав этому принципу конституционную ценность, чтобы любой неточный или неясный текст можно было объявить неконституционным.

Французское право имеет и такое преимущество, как *безопасность*. С моей точки зрения, во французском праве и в более общем смысле — в правовых системах романо-германского права предотвращение споров так же важно, как и их разрешение. Таким образом, судебное разбирательство рассматривается как признак несоблюдения закона, поэтому были внедрены различные механизмы безопасности для предотвращения возникновения спора, насколько это возможно.

Это правила доказывания, в частности для определенных сделок или договоров (необходимость в подлинном акте, составленном нотариусом для всех контрактов, в частности, для сделки с недвижимостью), или даже договорное равенство, чтобы сохранить баланс между договаривающимися сторонами, имеющими

разные экономические полномочия. Недавний пример реформы французского договорного права иллюстрирует эту заботу о защите договорного баланса во избежание экономического доминирования одной из договаривающихся сторон.

И в этом отношении роль, данная французскому судье, выходит далеко за рамки карикатуры, которую наши англосаксонские друзья делают из французского судьи. В действительности практика показывает, что французскому судье в его прерогативах нечего завидовать англосаксонскому судье, поскольку он также является создателем права, когда законодатель не вмешивается в конкретную область (к примеру, концепция недобросовестной конкуренции, которая отсутствует в действующем Гражданском кодексе).

Французский судья также вносит поправки в законы, интерпретируя их в том смысле, который он считает более справедливым (пример: создание солидарности коммерческих должников вопреки положениям ст. 1202 Гражданского кодекса при условии, что солидарность не предполагается).

Наконец, третье преимущество французского законодательства, которое способствует привлекательности, касается его *гибкости*. Система кодификации сама по себе не является синонимом жесткости. Действительно, сегодня французское гражданское и коммерческое право, письменное и кодифицированное право, не является столь уж жестким законом. Честно говоря, можно было бы склоняться к сожалению о слишком короткой жизни постоянно изменяющихся новых законов.

В действительности, в отличие от общего права, французские правила международной торговли предлагают большую гибкость, потому что они выражены в простых терминах и характеризуются общностью, что позволяет адаптировать их к реалиям настоящего момента или истолковать со стороны субъектов международной торговли, судей или арбитров, которых могут привлекать для разрешения споров.

Кроме того, эта гибкость также проявляется в дополнительном характере верховенства закона. Во французском законодательстве проводится различие между императивными правилами, которые чаще всего налагаются на отдельных лиц и в контексте внутренних отношений, и дополнительными и толковательными нормами, которые чаще всего применяются в мире международного бизнеса. Эти дополнительные правила могут быть отменены сторонами или адаптированы в соответствии с особенностями каждого контракта.

Таким образом, далеко не замораживая эволюцию, кодексы и законы позволяют, наоборот, быстро проводить правовые изменения, которые было бы трудно достичь единоличной властью судов. Однако примеры этой привлекательности и относительного успеха французского права довольно заметны.

D. Проявления этой новой привлекательности

Среди областей, где привлекательность французского законодательства возросла за последние годы, некоторые испытывают особенно живой интерес со стороны делового мира. Это относится, в частности, к французскому арбитражному законодательству (1), договорному праву (2) и другим областям (3) в дополнение к международной привлекательности (4).

1. Реформа французского арбитражного права. Французское международное арбитражное право всегда было таким же образцом для подражания, как и Гражданский кодекс в свое время. Это право заложило принципы, которые сегодня разделяют многие страны. Прежде всего, с точки зрения чисто судебной конструкции работы Апелляционного суда Парижа и Кассационного суда, международное арбитражное право с 1980 г. стало предметом нескольких кодификаций (в частности, постановлений от 14 марта 1980 г., 12 мая 1981 г. и 13 января 2011 г.).

Хотя международная конкуренция в арбитраже становится все более интенсивной, особенно в связи с развитием арбитражных центров в Лондоне, Женеве, Гонконге и Сингапуре, Франция и ее арбитражное законодательство остаются привлекательными, и это, в частности, благодаря почти столетней истории с момента присутствия в 1923 г. на его территории Международного арбитражного суда, создания международной торговой палаты.

В условиях высокой конкуренции, в которой доминирует право стран общего права, Франция, не колеблясь, ставит под сомнение основные принципы, регулирующие арбитражное право, с тем чтобы сохранить свою привлекательность.

До реформ 1980 г. французское арбитражное право считалось прецедентным правом, к которому было трудно получить доступ, особенно для иностранных компаний. Поэтому возникла необходимость в разъяснениях и большем прагматизме. Новый французский закон о международном арбитраже, подкрепленный решением Международной торговой палаты сохранить местонахождение Арбитражного трибунала в Париже, повысил привлекательность французского права.

Этот закон об арбитраже имеет преимущества с точки зрения гибкости с точки зрения международного арбитража, в частности из-за возможности отступления от правил действительности арбитражных соглашений и принятия решения по арбитражному решению. В этом праве также разъясняются способы обжалования арбитражных решений, вынесенных как за рубежом, так и в Париже.

Кроме того, это право закрепляет систему независимой международной юрисдикции, которая не привязана к какой-либо государственной правовой системе, поэтому решения могут сохраняться и применяться в соответствии с критериями, установленными Нью-Йоркской конвенцией 1958 г.

Различные принципы, реализованные этим правом, причем их перечень не является закрытым, можно обобщить следующим образом:

- очень простое и практичное определение международного арбитража (ст. 1504 Гражданского процессуального кодекса: «Это международный арбитраж, который затрагивает интересы международной торговли»);
- укрепление принципа автономии арбитражного соглашения по сравнению с договором, на который оно ссылается;
- отсутствие какого-либо формального условия арбитражного соглашения;
- отложенная процедура арбитража (назначение арбитров, определение процедуры, гарантия принципа противоречия);
- усиление полномочий Арбитражного трибунала, который может предписать сторонам любые временные или временные меры, которые он сочтет необходимыми;
- разъяснение роли вспомогательного судьи председателя Трибунала де Гранд инстанс де Пари, который, таким образом, может столкнуться с трудностями,

с которыми сталкиваются, когда стороны передали юрисдикцию французским судам или когда одна из сторон подвергается риску отказа в правосудии;

- сокращение процедуры выдачи экзекватуры;
- сокращение возможностей обжалования решения, вынесенного во Франции, которое может быть предметом иска об аннулировании только в том случае, если Арбитражный суд ошибочно объявил себя компетентным или некомпетентным, или был создан нерегулярно или вынес бы решение выполнить миссию, возложенную на него. В любом случае это средство отмены не имеет приостанавливающего действия, и поэтому решение может быть приведено в исполнение.

В более общем плане можно сказать, что французское законодательство отличается склонностью к разработке альтернативных методов разрешения споров, в частности посредством процедур посредничества, медиации или дополнительных процедур.

Таким образом, французское законодательство дало примеры, которые вдохновили европейское законодательство, и недавно Закон о правосудии XXI в. (ноябрь 2016 г.) создал новые правовые условия для альтернативного развития разрешения конфликтов.

2. Привлекательность договорного права. Если это правда, то французское право купли-продажи на первый взгляд не очень привлекательно для продавца, вопреки правам, вытекающим из общего права, так как обязательства продавца из-за объема юриспруденции стали очень многочисленны (обязательство доставить, обязательство по обеспечению безопасности, обязательство гарантировать скрытые дефекты).

С другой стороны, как только сделка о продаже между профессионалами, участвующими в одной и той же сфере деятельности, заключена, французское законодательство о продаже дает значительные преимущества, в частности в том, что оно допускает эффективность определенного количества соглашений.

Французский Закон купли-продажи отличается своей простотой в отношении передачи имущества. Действительно, обмена согласием на существенные элементы договора (вещь и цена) достаточно, при этом нет необходимости организовывать эту передачу конкретно по сложным и чрезмерно подробным соглашениям.

Таким образом, в отличие от немецкого права, французское право не проводит различий между собственностью и владением, в частности в отношении определения передачи собственности, как в институтах *Eigentum* и *Besitz*.

Передача права собственности также осуществляет передачу рисков независимо от фактической доставки. Французский закон также допускает корректировку положений и приветствует положение о выборе юрисдикции и положение об арбитраже.

Тем не менее это правда, что статистика, публикуемая МТП с 2007 г., показывает, что права на английский, швейцарский и американский законы выбираются в качестве *lex contractus* более чем в половине арбитражных разбирательств. Эти статистические данные, далекие от раскрытия доминирующего положения системы общего права, которая существует примерно наравне с романо-германской правовой семьей, показывают, однако, что французское право наряду с немецким

законодательством является наименее привлекательным из романо-германских правовых систем, уступая, к примеру, швейцарскому закону.

Вероятно, именно в этом его слабость, и французский законодатель намеревался ее исправить. Реформа договорного права, осуществленная в 2016 г. во Франции, предполагала интеграцию принципов *Lex Mercatoria*, принципов УНИДРУА и кодификацию объемного прецедентного права, которое на протяжении многих лет занимало место Гражданского кодекса в отношении договорного права в целом и договоров купли-продажи в частности.

Таким образом, прямо включив цель привлекательности права, французский законодатель реформировал указом от 10 февраля 2016 г. все договорные права, содержащиеся в Гражданском кодексе, которые никогда не изменялись с момента принятия Кодекса Наполеона в 1804 г.!

Действительно, одной из целей этой реформы является обеспечение доступного и экономически эффективного договорного права, которое, в частности, будет выбрано сторонами в международных договорах и законодателями стран в качестве образца. Таким образом, развивающиеся страны помогают укрепить позиции стран с романо-германской традицией по сравнению со странами с традицией общего права.

Мир международного бизнеса требует безопасной, разборчивой и стабильной правовой системы. Это требование здравого смысла было забыто с течением времени. Поэтому было все еще уместно ссылаться на мягкое право. Эта привлекательность нового французского договорного права усиливает правовую определенность, которая составляет основу экономических отношений и поэтому должна способствовать его закреплению в договорах по международному праву.

Таким образом, французское законодательство отказалось от концепции причины в договорах, что вызвало много споров и позволило Франции приблизиться к законодательству о многих иностранных правах, в то же время закрепив в законе различные концепции, в том числе концепцию перебалансировки договора под влиянием прецедентного права.

Реформа также закрепила правовые механизмы, вытекающие из практики предпринимательского права, предоставив им точный и последовательный правовой режим, такой как уступка контрактов или уступка долгов.

Реформа также вводит новаторские решения, позволяющие сторонам контракта покончить с неопределенностью, влияющей на регулярность контракта (вопросительные действия, связанные с существованием пакта о предпочтениях или даже воли договаривающейся стороны ссылаться на недействительность договора).

С точки зрения экономической эффективности закона реформа также предоставила контрагентам новые prerogatives, позволяющие им предотвращать судебный процесс или разрешать его, не прибегая к обязательному использованию суда, в частности институт одностороннего расторжения контракта или возможность принять несовершенную услугу при снижении цены.

Эта реформа создает четкую, эффективную правовую базу, адаптированную к вызовам глобализированной и постоянно меняющейся экономики. Эта часть Гражданского кодекса никогда не была реформирована. Как отметил декан Жан Карбоннье, «символ времени остановился», и его возрождение также оправдывает большие ожидания на международном уровне.

3. Другие области привлекательности. Не вдаваясь в каждую из областей, составляющих право международной торговли, можно, не будучи слишком оптимистичным, полагать, что французская правовая система предлагает оба инструмента, которые ценятся субъектами международной торговли, будь то закон о компаниях, финансовое право или промышленная собственность, а также эффективные механизмы разрешения коммерческих споров благодаря функционированию судов или регулирующих органов. Таким образом, это позволяет французским компаниям успешно развиваться в условиях международной конкуренции, а иностранным компаниям — во Франции.

Следует отметить несколько важных успехов французского законодательства в деловом мире:

Создание упрощенной акционерной компании (SAS) для большой гибкости, которую она приносит бизнесу. Эта форма коммерческой организации вдохновила зарубежное законодательство. Это также относится ко всем правилам управления для перечисленных компаний.

Эти правила единодушно признаны эффективными, поскольку они представляют собой оригинальную адаптацию англо-американских правил. Другими словами, французское управление воспринимает хорошие черты англо-американского управления, не сохраняя строгости этих правил, таких как императивный состав комитетов совета директоров или введение рейтинга для вознаграждения менеджеров и сотрудников.

Аналогично место, оставленное «мягкому праву» во французском корпоративном праве, оставляет возможность маневра для компаний с возможностью модулировать применение определенных законов в области управления или передачи непубличной информации о финансах.

Я также привожу французский Закон о компаниях, находящихся в трудном положении, который претерпел значительное количество реформ за несколько лет (2008, 2010 и 2014 гг.), причем эти реформы имеют целью лучшую адаптацию этого права к практике и поощрение компаний; использовать инструменты предотвращения, что является особенностью французского права и вектором его конкурентоспособности, при рассмотрении других иностранных прав, которые способствуют вмешательству судов в последующий период.

Французский Закон о компаниях, находящихся в затруднительном положении, не только в этом отношении отличается от других европейских законов, поскольку традиционно этот Закон не слишком благоприятен для кредиторов.

Действительно, гарантия со стороны судебной власти, направленная на то, чтобы обеспечить продолжение экономической деятельности, сохранение занятости и погашение обязательств, обеспечивает определенную стабильность компаниям.

4. Внешняя привлекательность. Пример OHADA (Организация по гармонизации в предпринимательском праве в Африке) прекрасно иллюстрирует это с точки зрения культурного влияния, а также развития бизнеса и инвестиций благодаря принятию единого законодательства. Франция во многом способствовала созданию этой организации, которая сегодня объединяет более чем 200 млн человек в 17 государствах-членах.

Смысл этого договора — прекрасная иллюстрация того, что правовая система должна обслуживать экономику. Чтобы создать климат, благоприятный для доверия инвесторов, необходимо было в этом пространстве, состоящем из очень большого числа африканских стран, принять единую систему франкоязычного гражданского законодательства о предпринимательстве, выбранную за его простоту, современность, безопасность и адаптивность.

Эта организация является беспрецедентным примером принятия гражданского законодательства в явно экономических целях, что с момента его создания в 1993 г. оказало благотворное влияние, в частности на развитие экономики этих стран. Однако Всемирный банк, который так быстро стал критиковать правовые системы гражданского права (романо-германское законодательство), признал положительные эффекты, позволяющие создать благоприятный климат для бизнеса и инвестиций. Министерство внешней торговли США также признало полезный вклад этой организации, особенно в отношении Экваториальной Гвинеи или Республики Чад.

Не пытаясь рассеять всю критику французской правовой системы, мы можем, однако, считать, что расширение области применения общего права, которое наблюдается, правда, в деловой практике, на самом деле объясняется не столько внутренними причинами, которые могли бы привести к превосходству общего права, сколько внешними причинами, такими как сила американской экономики, преобладание английского языка в деловом мире и развитие англо-американского управления международными компаниями.

В этой ситуации континентальное право, и французское право в частности, должны играть роль альтернативы англосаксонской гегемонии, чтобы обеспечить баланс чувств и правовых традиций.